

УДК 81'253(045)

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Поликарпов А.М.¹
Французова А.Д.²

Об устном судебном переводе в Швеции

¹⁾ Северный Арктический Федеральный Университет
ул. Смольный Буян, 7, г. Архангельск, 163002, Россия
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0726-2524

²⁾ Северный Арктический Федеральный Университет
ул. Смольный Буян, 7, г. Архангельск, 163002, Россия
E-mail: info@alinafrants.se
ORCID iD: 0000-0001-7077-2362

Статья поступила 7 декабря 2020 г.; принята 18 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена устному судебному переводу в Швеции. Центральное место занимает анализ одного из основополагающих факторов, определяющих специфический с точки зрения транслятологии характер этой деятельности, а именно – устности общения участников судебного процесса. Авторы раскрывают судебный перевод как особый вид переводческой практики, ориентированный на сохранение инварианта текста оригинала и ограниченный рамками объективных условий осуществления, а также целью выполняемого перевода. В работе представлен краткий обзор развития устного судебного перевода в странах Европы, раскрываются основные предпосылки его возникновения. Рассматривается нормативное регулирование профессии и функционирование института судебных переводчиков в Швеции. Дается краткая справка о научных трудах, освещающих относительно новую область исследований. В статье изложено выработанное на основе специальных транслятологических, психолингвистических и лингвосемиотических исследований авторское видение и комплексная характеристика судебного перевода как особого вида переводческой практики. Научные разработки, выводы и рекомендации, изложенные в настоящей статье, могут послужить благотворной почвой для дальнейшего становления судебного перевода как самостоятельного вида профессиональной деятельности в России. Определение и предупреждение сложностей с учетом выявленных в исследовании факторов, возникающих в процессе перевода устно-порождаемой речи, может способствовать повышению качества подготовки судебных переводчиков, что, в свою очередь, позитивно отразится на оценке значимости профессии переводчика.

Ключевые слова: Социальный перевод; Устный судебный перевод; Лингвосемиотика; Устно-порождаемая речь; Перевод в Швеции

Информация для цитирования: Поликарпов А.М., Французова А.Д. Об устном судебном переводе в Швеции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N4. С. 53-69. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Aleksander M. Polikarpov¹
Alina D. Frantsuzova²

On court interpreting in Sweden

¹⁾ Northern Arctic Federal University
7 Smolny Buyan St., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0726-2524

²⁾ Northern Arctic Federal University
7 Smolny Buyan St., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation
E-mail: info@alinafrants.se
ORCID iD: 0000-0001-7077-2362

Received 7 December 2020; accepted 18 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article examines court interpreting in Sweden and analyses one of the main factors that determines court interpreting, namely, the oral mode of communication between the participants in the judicial process. The authors approach court interpreting as a special kind of translation practice seen from the point of view of the translation studies, which is focused on preserving the invariant of the original text, but is also limited to the framework of the objective conditions of working with oral speech, as well as the purpose of the translation being performed. The paper presents an outline of the development of legal interpreting in the European countries; it briefly reveals the main prerequisites for its emergence. In particular, the judicial regulation of the court interpreter's profession and certification of court interpreters in Sweden are reviewed. A brief reference is given on the scientific papers covering this relatively new field of research. The article outlines the author's vision, developed on the basis of special translational, psycholinguistic and linguistic-semiotic studies, and presents a complex characterization of the features of the orally-generated speech that contribute to seeing court interpreting as a special type of translation practice. Scientific findings, conclusions and recommendations set forth in this article can serve as a fertile ground for the further development of court interpreting as an independent type of professional activity in Russia. According to the author, identification and prevention of difficulties, taking into account the factors identified in the study, arising in the process of translation of interpreted speech, can improve the quality of training of court interpreters, which, in turn, will have a positive impact on the assessment of the importance of the profession of interpreter.

Key words: Court interpreter; Community interpreting; Public service interpreting; Court interpreting; Semiotics of speech; Orally-generated speech; Interpreting in Sweden

How to cite: Polikarpov, A. M. and Frantsuzova, A. D. (2020). On court interpreting in Sweden. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 53-69, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Введение

В странах Европы, где в последние пятьдесят лет наблюдается высокий

уровень миграции населения, вопросы перевода и обеспечения эффективной коммуникации играют все большую роль в

жизни общества (Tolkknunskap, 2009: 11; Reflection Forum on Multilingualism, 2009: 7). В Швеции использование услуг устного переводчика в контактах с властными органами в течение десятилетий является узаконенным правом (Förvaltningsprocesslag 1971/291: §50; Rättegångsbalk 1942/740: kap.5 §6 st. 2), а обеспечение должного качества перевода достигается посредством созданного и регулируемого на государственном уровне института квалифицированных, так называемых аттестованных переводчиков с возможностью их дальнейшей специализации в области судебного перевода (Förordning om auktorisation, 1985/613; KAMFS 2016/4; LIT Search, 2016: 47; Ozolins, 2010: 195).

В центре внимания исследований отечественных ученых, в первую очередь, находится нормативно-правовая база обеспечения деятельности переводчика или ее организация, а также деятельностные аспекты и принципы выполнения письменного перевода судебных документов, в то время как вопросы устного перевода в контексте устно-порождаемого судебного дискурса не получили широкого освещения.

Актуальность данной работы состоит в том, что в ней комплексно рассматривается ряд аспектов, отличающих устный перевод в ходе судебного заседания от других видов перевода. Изучение многолетней практики проведения судебных заседаний с участием устного переводчика в Швеции, сформированных на государственном уровне квалификационных требований и научной литературы, посвященной особенностям устного перевода в Швеции, обусловлено целью внести вклад в решение назревшей необходимости развития института судебных переводчиков в России.

Материалом исследования послужили аутентичные аудиозаписи судебных заседаний с участием русско-шведского устного переводчика в судах

первой инстанции в Швеции, а также лексикографические данные обоих языков, выявленные на основе проработки шведско-русских словарей.

В основу исследования положены метод моделирования процесса перевода, метод контекстуального анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод компонентного анализа материала. Использовались также общенаучные методы обобщения и индукции.

Исследовательская часть

1. Обзор развития судебного перевода в Швеции

Возросшая потребность в обслуживании населения, не владеющего языком страны пребывания, явилась предпосылкой к возникновению совершенно новой отрасли устного перевода (Wadensjö, 1998: 49), которая в англоязычных публикациях называется *public service interpreting* или *community interpreting* (Shackman, 1984; Valero Garcés, Martin, 2008; Kainz, Prunc, Schögler, 2011). В Швеции такой перевод стал настолько привычен и распространен, что именно его имеют в виду при употреблении гиперонима *tolkning* (досл. устный перевод), а уточнение делается лишь в ситуациях сравнения с другими видами перевода: *samhällstolkning* (досл. общественный перевод) (Здесь и далее выделено нами – А.П. и А.Ф.), *kontakttolkning* (досл. контактный перевод) или *dialogtolkning* (досл. диалоговый перевод) с *konferenstolkning* (досл. конференц-перевод), а также *språktolkning* (досл. языковой перевод, т.е. перевод с одного вербального языка на другой) с *teckentolkning* (сурдоперевод). В отношении данной разновидности специального перевода в России среди возможных обозначений можно обнаружить «перевод в социальной сфере» (Раренко, 2011: 119), «социальный перевод» (Бабанина, 2014; Сухарева, 2014), а в Интернет-пространстве его называют также «общественным переводом», «гражданским переводом»,

«переводом в сфере социальной работы». Опираясь на определения И.С. Алексеевой (Алексеева, 2006: 20–21) и Л.Ю. Василенко (Василенко, 2013: 315), наиболее эквивалентным обозначением данной переводческой практики на русском языке мы считаем терминологическое словосочетание «перевод в системе государственных и муниципальных служб и учреждений», поскольку заказчиками перевода выступают не только органы муниципального самоуправления или социальные службы, но и другие ведомства или службы на государственном уровне. В виду того, что данная разновидность перевода «в основном связана с обеспечением языковых нужд носителей государственного или основного языка принимающей страны при их взаимодействии с общественными институтами, включая административные, образовательные, медицинские учреждения, правоохранительные и судебные органы» (Василенко, 2013: 315), условно его можно разделить на три подвида: перевод в сфере социального обеспечения, перевод в сфере медицинского обслуживания, а также представляющий наибольший интерес для данного исследования перевод в правоохранительной и судебной системах.

Не выделявшийся в отдельный вид профессиональной деятельности в течение длительного времени перевод «на службе общественных интересов» в Швеции зачастую осуществлялся непрофессионалами в лице детей или родственников потребителей перевода, во многих случаях с помощью привлечения других случайных людей «со стороны» или силами сотрудников госучреждений, в какой-либо степени владеющих двумя языками (Wadensjö, 1998: 49). Ранее считалось, что выполнение перевода в системе государственных служб и учреждений не требует специальной подготовки и навыков (Ozolins, 2010: 195; Roberts, 2002: 157–175; Wadensjö, 1998:

49), и только в конце двадцатого века он получил относительное признание в качестве профессии, требующей квалификации (Del-Pozo-Triviño, 2020; Giambruno, 2014; LIT Search, 2016: 47; Mayor, Trivino 2015; Ozolins, 2010: 195), стал объектом повышенного интереса и предметом лингвистических и транслатологических исследований (Wadensjö, 1998; Hale, 2004; Valero Garcés, Martin, 2008; Driesen, Drummond, 2011).

Говоря о значимости качества устного перевода в ходе судебного процесса, как в Швеции, так и других странах Евросоюза, обратимся к материалам главного органа исполнительной власти Европейского союза, ответственного за подготовку законопроектов и контроль соблюдения договоров ЕС и других правовых актов – Европейской комиссии. В опубликованном комиссией заключительном отчете о работе Форума по обсуждению проблем многоязычия и повышения профессиональной подготовки кадров отмечается, что «в государствах-членах ЕС существует основополагающая обязанность защищать права граждан и, следовательно, гарантировать справедливое судебное разбирательство **вне зависимости от языка судопроизводства**» (Reflection Forum on Multilingualism, 2009:7) (*Здесь и далее перевод наш – А.П. и А.Ф.*). В Швеции следование данному принципу правовой защищенности граждан соблюдается посредством узаконенного права индивида на использование услуг переводчика в контактах с властными органами (Förvaltningsprocesslag 1971/291: §50; Rättegångsbalk 1942/740: kap.5 §6 st.2). В целях обеспечения должного качества перевода в 1976 году была введена государственная аттестация устных и письменных переводчиков. Созданный и регулируемый на государственном уровне институт квалифицированных, так называемых аттестованных, переводчиков с возможностью их дальнейшей

специализации в области судебного перевода, перенял на себя задачу отбора, а также последующего надзора за компетентными кадрами в области устного и письменного перевода (Förordning om auktorisation 1985/613; KAMFS 2016/4; LIT Search, 2016: 47; Ozolins, 2010: 195). Ответственным ведомством, уполномоченным проводить аттестацию и контроль переводчиков, является Камер-коллегия Швеции (*Kammarkollegiet*). В сотрудничестве с лингвистами, социологами, юристами и врачами Камер-коллегия также занимается разработкой экзаменационного материала для проверки предметных знаний, специальной терминологии, техники перевода, а также уровня владения языками перевода и знаний переводческой этики соискателей статуса аттестованного переводчика.

Процессуальное право Швеции устанавливает первоочередность привлечения аттестованных переводчиков к исполнению перевода в ходе гражданского и уголовного судопроизводства (*Rättegångsbalk 1942/740: kap.5 §6 st. 2*). В последней редакции «Руководства по работе через переводчика в зале суда», опубликованной Государственным судебным управлением Швеции (*Domstolsverket*), для выполнения перевода в ходе заседания особо рекомендуется делать выбор в пользу переводчика со специальной судебной компетенцией (*Riktlinjer om tolkanvändning i domstol, 2017: 12*).

2. Ключевые особенности устного судебного перевода

Роль судебного переводчика чрезвычайно высока, а качество выполняемого устного перевода напрямую зависит от предпосылок, характерных для данного вида переводческой практики. Как справедливо отмечает Л.С. Бархударов, процесс межъязыковой трансформации текста с одного языка на другой осуществляется не произвольно, а по определенным правилам: текст перевода

находится «в определенных закономерных отношениях с исходным текстом». Очевидно, что «при замене текста на исходном языке текстом на языке перевода должен сохраняться какой-то определенный инвариант», а «мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника» (Бархударов, 1975: 6–9). Разумеется, что при разных видах перевода цели и средства сохранения инвариантности текста тоже различны. Так что же может и должно «оставаться инвариантным» (Бархударов, 1975: 6) в процессе устной межъязыковой трансформации юридического дискурса в зале суда? Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаем определить ключевые особенности, составляющие в своей совокупности специфику судебного перевода. К таковым будем относить:

а) вид перевода – преимущественно устно-устный;

б) направление перевода – двусторонний перевод;

в) тип дискурса – судебный;

г) форму перевода – чередование синхронного перевода, устного последовательного перевода и перевода с листа;

д) психолингвистические аспекты – нагрузка на память, период концентрации, быстрое принятие решений, самокоррекция в процессе перевода и др.;

е) специфику техники работы в суде и роли переводчика;

ж) владение переводчиком юридически значимыми специально-предметными знаниями и специальной юридической терминологией.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь и системные отношения между всеми компонентами исследуемой переводческой практики, в данной статье хотелось бы особо отметить основополагающий аспект, задающий рамки работы судебного переводчика в Швеции, а именно – вид перевода.

3. Составляющие специфики устного судебного перевода

3.1. Канал восприятия

В ходе судебного заседания в Швеции преобладающим видом деятельности переводчика является *устно-устный перевод* (иногда в комбинации с письменно-устным переводом, так называемым переводом с листа). Это, в свою очередь, накладывает свои ограничения на то, в какой мере текст перевода может быть эквивалентен и адекватен тексту оригинала.

Ограничения возникают из-за *акустического канала восприятия сообщения* (за исключением перевода с листа), «в связи с чем извлечение информации в процессе перевода осуществляется иначе, чем при зрительном восприятии текста» (Комиссаров, 1990: 103). Отталкиваясь от идеи о знаковой природе языка, обратимся далее к некоторым важным, на наш взгляд, положениям лингвосемиотики. Будем выделять четыре основополагающих параметра семиотики языка: семантику, синтактику, прагматику и денотатику (Поликарпов, Синтаксическая полифункциональность, 2013: 7–8). В отношении устной коммуникации значимым, на наш взгляд, является выделяемое Н.С. Сыроваткиным измерение, воздействующее на все остальные измерения лингвосемиотики, – перцептика (Сыроваткин, 1978: 57–62). По мнению Н.С. Сыроваткина, а также некоторых других лингвистов (Сыроваткин, 1978: 57; Вартазарян, 1973: 65; Кубрякова, 2004: 248; Поликарпов, Синтаксическая полифункциональность, 2013: 13), признак *перцептивности*, т.е. способности знака быть доступным для восприятия адресата, является абсолютно необходимым свойством знака. Выделение присущей знаку акустической стороны представлено в работах А.М. Поликарпова (Поликарпов, 2012: 81–94; Поликарпов, Семиотика устно-порождаемой речи и перевод, 2013: 281–285) и других

лингвистов, отграничивающих языковые знаки от речевых и отмечающих при этом «единство речевого содержания и материального (графического и акустического) носителя» в речевом знаке (Томилова, 2017: 50–51).

Необходимо признать, что учет перцептивного кода сообщения особо актуален в отношении устного перевода, так как вербально получаемая информация доступна переводчику исключительно посредством ее восприятия «на слух» (кроме немногих случаев, когда переводчик может опираться на письменный текст, например, при свободном доступе к обвинительному заключению, содержащему личные данные участников судебного процесса, формулировку обвинения, краткую справку о доказательствах и др.). Вслед за Б.М. Гаспаровым отметим, что к ведущим параметрам, определяющим текст в устной форме с учетом *неподготовленности речевого акта*, можно отнести его *непринужденность* (Гаспаров, 1978: 67–69), то есть его спонтанный характер ввиду отсутствия времени на детальное продумывание и редактирование плана выражения. Перевод устной речи не «связан с материально зафиксированным каноническим текстом оригинала, любую фразу которого в любой момент можно прочитать» (Виноградов, 2001: 33), и обусловлен «*однократностью восприятия переводчиком отрезков оригинала*» (Комиссаров, 1990: 100).

С помощью ряда примеров С.Н. Сыроваткин иллюстрирует в своей работе «Теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики», как ориентация на звуковую форму может привести к искажению перевода, например, вследствие явлений паронимии и гетеронимии (Сыроваткин, 1978: 58–60). Объяснение этому ученый находит в «генерализации возбуждения в пределах совокупности следов лексем, сходных по звучанию, совокупности следов, образующих смежные понятия,

категорийных (синтаксико-семантических и лексико-семантических) полей, стереотипизированных связей, обеспечивающих порождение последовательностей единиц, и иных» (Сыроваткин, 1978: 58), особо отмечая, с одной стороны «осознанный» характер этих ассоциаций, а с другой – их присутствие «в виде фона» (Сыроваткин, 1978: 58).

Взаимосвязь аспектов лингвосемиотики с результатом перевода прослеживается в трудах некоторых зарубежных исследователей. Можно согласиться с некоторыми учеными в том, что «процесс понимания сообщения находится под влиянием множества факторов, а именно – знаний языка, предмета разговора, контекста, институциональной культуры данной общественной сферы, а также собственной культуры страны переводчика, соответствия стиля речи переводчика стилю презентации» (Hale, 2004: 3–4). Кроме того, фаза восприятия текста, конечно, также «может подвергаться влиянию со стороны самого переводчика, который имеет собственный уникальный опыт и свою картину мира» (Hale, 2004: 3–4), ведь он «является субъектом (*семического акта* – А.П. и А.Ф.), который самостоятельно ищет смысл (в высказываниях других людей) через призму собственного субъективного понимания (*этих высказываний* – А.П. и А.Ф.)» (Wadensjö, 1998: 7).

Причиной ошибок в устном переводе может послужить взаимодействие перцептики с другими **объективными, экстралингвистическими условиями перевода**, такими как плохое качество слышимости (эхо в зале суда, тихое или невнятное говорение), социальные или диалектальные особенности говорения, дефекты речи, а также чрезмерно быстрый темп речи говорящего или одновременное говорение партнеров по коммуникации. Следовательно, работа с устно-порождаемой речью предполагает наличие хороших навыков аудирования для того,

чтобы переводчик мог обеспечить взаимопонимание между Источником и Реципиентом, несмотря на сложности, вызываемые «неправильностью» речи, особенностями произношения или манерой речи, и предполагает владение техникой перевода в условиях постепенного развертывания коммуникативного акта (например, техника прерывания и переспроса при говорении нескольких источников одновременно). «Полнота понимания, – как отмечает В.Н. Комиссаров, – зависит от ритма, паузации (количества и продолжительности пауз), и темпа речи» (Комиссаров, 1990: 103), информация извлекается «в виде отдельных порций по мере развертывания цепочки языковых единиц в речи оратора» (Комиссаров, 1990: 101).

Отметим, что наличие у переводчика возможности видеть Источник информации в процессе порождения устной речи может оказать благоприятное влияние на результат перевода. Известно, что «чтение по губам» облегчает восприятие речи, особенно это проявляется при неблагоприятных условиях говорения, например, в шумной обстановке. Взаимосвязь между слуховым и зрительным распознаванием речи настолько прочная, что при конфликте сигналов, поступающих по этим каналам восприятия, наше сознание подавляет услышанную нами информацию в пользу увиденной. Следовательно, непосредственный визуальный контакт с Источником сообщения помогает переводчику преодолеть негативные аспекты работы с устно-порождаемым текстом и обеспечить правильное восприятие заключенной в нем информации.

Таким образом, все вышеперечисленные факторы, связанные с акустическим и визуальным каналами восприятия текста, имеют прямое отношение к степени эквивалентности продукта перевода, оказывая влияние на восприятие переводчиком содержания оригинала и

последующий выбор средств выражения на языке перевода.

3.2. Незамедлительность порождения

Устный судебный перевод (как последовательный, так и синхронный) обусловлен строгим требованием о **незамедлительности его порождения** (Комиссаров, 1990: 99; КАМФС 2016/4: 4), в связи с чем возникает острый недостаток времени на «размышление, перебор вариантов или обращение к справочной литературе» (Комиссаров, 1990: 99). Как следствие, доступ к наиболее подходящему эквиваленту переводимой единицы, хранящемуся в долговременной памяти, не всегда возможен, поэтому при устном переводе «возрастает роль полуавтоматических навыков, знания устойчивых соответствий и штампов <...> на языке перевода» (Комиссаров, 1990: 99), таких как:

а) *lagrum* / статья закона;

б) *väcka åtal* / возбуждать уголовное дело, привлекать к уголовной ответственности / возбуждать судебное преследование, преследовать в судебном порядке / передавать обвинительное заключение из прокуратуры в суд;

в) *yrka ersättning* / ходатайствовать о возмещении расходов / требовать возмещения (судебных) издержек;

г) *biträda talan* / поддержать обвинение / поддержать иск;

д) *laga förfall* / отсутствие на законном основании и др.;

Принимая во внимание многозначную природу слова, отметим далее, что не менее важным для переводчика оказывается в этой связи хорошее знание «наиболее употребительных в речи слов и их часто реализуемых значений», необходим обширный *речевой актив* (Комиссаров, 1990: 37). К примеру, в ситуации конкретного речевого акта у переводчика в первую очередь должны актуализироваться релевантные для данного типа

дискурса значения многозначных слов, такие как:

а) *utslag* / решение, постановление, определение; приговор, вердикт, исход (ср. (мед.) сыпь, высыпания, дерматоз);

б) *billig* / умеренный, справедливый (ср. (общеп.) дешевый, недорогой, экономичный в эксплуатации / дешевый, низкий, пошлый);

в) *våld* / принуждение (ср. (общеп.) насилие, насильственное действие, применение силы / жестокость, жестокое обращение);

г) *cell* / одиночная камера (ср. (мед.) клетка (организма));

д) *syn* / осмотр, ознакомление, исследование / освидетельствование доказательств в суде (ср. (мед.) зрение);

е) *svindel* / обман, мошенничество (ср. (мед.) головокружение, предобморочное состояние);

ж) *växel* / вексель, долговое обязательство (ср. (общеп.) мелкие разменные деньги, разменная монета, мелочь, сдача / (техн.) линейный коммутатор / (разг.) передача, скорость).

3.3. Последовательное восприятие сообщения

К особенностям перевода устно-порождаемой речи относится **отсутствие доступа к полному тексту** (Алексеева, 2006: 15; Комиссаров, 1990: 100–101; Виноградов, 2001: 33; Сдобников, 2007: 100; Hale, 2004: 3). Переводчик «воспринимает и переводит текст небольшими сегментами по мере их произнесения оратором и не может обращаться в процессе перевода к другим сегментам или анализировать содержание текста в целом» (Сдобников, 2007: 100). Нельзя не согласиться с И.С.Алексеевой в том, что именно опора на знание всего текста способствует истинному пониманию его содержания, а значит и выполнению наиболее эквивалентного перевода, ведь в таком случае переводчик «не привязан к отдельным словам и выражениям, и перевод (*будет – А.П. и А.Ф.*) избавлен от буквализмов»

(Алексеева, 2006: 15). Как подчеркивает В.Н.Крупнов, «контекст является своего рода фильтром, который всякий раз играет свою особую роль, проясняя и конкретизируя значение слова» (Крупнов, 1976: 37). И действительно, подтверждение этому указанию мы легко можем обнаружить при переводе таких **общеупотребительных слов с широким спектром значений**, как:

а) *bakgrund* / задний план, фон / происхождение, образование, биография, биографические (анкетные) данные, прошлое / предыстория;

б) *insats* / вкладыш, вставка / ставка, вклад, пай, доля, вложенная сумма / трудовой вклад, работа / кооперативная квартира / (в спорте) успех / меры, ресурсы (*myndighetsinsats*) / группа реагирования, команда, патруль (*polisinsats*);

в) *behörighet* / компетенция, полномочия, правомочность, квалификация / наличие аттестации, диплома, лицензии;

г) *omsorg* / забота, уход о ком-н., медико-социальная помощь / старательность, аккуратность, тщательность,

д) *utredning* / изучение, исследование, расследование, рассмотрение, анализ, аудит / комиссия, работа комиссии / отчет, доклад, заключение комиссии / составление описи наследственного имущества / составление описи конкурсной массы;

е) *insyn* / осмотр, доступ, надзор, возможность ознакомления, возможность контроля, общественный контроль / гласность, открытость, прозрачность.

Судебному дискурсу также присуще частое употребление **многозначных юридических терминов**, реализующих свое узкое значение лишь с помощью трудно прогнозируемого в ситуации устного перевода контекста, например:

а) *fastighet* / земельный участок, земельная собственность / недвижимое имущество, объект недвижимости / здание, строение, дом / помещение;

б) *övergrepp i rättsak* / нарушение запрета или распоряжения органа власти /

незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого аресту, описи или изъятию;

в) *återvinning* / пересмотр дела по ходатайству проигравшей стороны, отсутствовавшей на предыдущем заседании суда / признание незаконным некоторых сделок должника, совершенных до начала конкурсного производства / восстановление гражданства (подданства);

г) *utdelning* / дивиденд, доля прибыли, распределение прибыли / возврат части страховой премии / удовлетворение требований кредиторов из конкурсного имущества;

д) *kränka* / посягать на (нарушать) чьи-л. права / оскорблять человеческое достоинство;

е) *intrång i förvar* / нарушение тайны переписки / незаконный вход в опечатанное помещение;

ж) *skyddande av brottsling* / (не обещанное заранее) укрывательство / (обещанное заранее) пособничество.

В.С.Виноградов справедливо полагает, что «у некого идеального «суперпереводчика», если бы таковой существовал в действительности, уже на этой фазе (*фазе пофразового перевыражения – А.П. и А.Ф.*) перевод мог бы оказаться адекватным, а соответствия, константные и окказиональные, – бесспорными» (Виноградов, 2001: 33). В режиме письменного перевода работа ведется на уровне «отдельного высказывания, соотнесенного с содержанием всего текста» (Комиссаров, 1990: 100), что обеспечивает возможность поиска и извлечения дополнительной, уточняющей информации, способствующей выбору итогового варианта перевода. Доступ к полному, законченному и цельнооформленному сообщению также помогает проследить ход развития мысли автора и становления логической связи между отдельными высказываниями. В отличие от письменного перевода устный режим восприятия текста оригинала таких возможностей

соотнесения «части и целого» не предоставляет.

В работе судебного переводчика активно задействуются абзацно-фразовый перевод, при котором «переводчик не знает последующего контекста» (Алексеева, 2006: 15) и оперирует одним или несколькими высказываниями, а также синхронный перевод, специфической характеристикой которого является **параллельность процессов восприятия речи и осуществления перевода**, а также острый дефицит времени, в условиях которого «переводчик переводит отдельные сегменты высказываний в оригинале, строя из переведенных сегментов законченные высказывания в переводе» (Комиссаров, 1990: 100). Следовательно, переводчик не может «на фазе перевыражения проводить постоянное сравнение двух текстов: неизменного текста оригинала и рождающегося текста перевода» (Виноградов, 2001: 33). Это, в свою очередь, препятствует достижению точности перевыражения «микрконтекстов в виде отдельных слов и словосочетаний, которые, входя в состав предложения, образуют единое смысловое целое» (Крупнов, 1976: 37) и приводит к неизбежной утрате степени эквивалентности перевода.

Таким образом, в ситуации конкретного семического акта устный переводчик вынужден выбирать вариант перевода, опираясь на **собственный прогноз развертывания речевого сообщения**, и проводить верификацию сделанного выбора путем последующего сопоставления уже произнесенного перевода с вербально сообщаемой в ходе речевой коммуникации информацией, а также с поступающей извне экстралингвистической информацией, прибегая к саморедактированию и выбору наиболее подходящего варианта перевода «на ходу». На практике это выражается предпочтением в пользу генерализированного или отвлеченного

значения многозначного слова на инициальном этапе межъязыкового преобразования единицы перевода с переходом к подбору более конкретного и стилистически уместного контекстуального решения в процессе дальнейшего перевода. например:

а) *väckta åtal* / возбуждать уголовное дело, привлекать к уголовной ответственности / возбуждать судебное преследование, преследовать в судебном порядке / передавать обвинительное заключение из прокуратуры в суд, в ситуативном контексте – ‘передать в суд’ (из органов предварительного следствия),

б) *misshandel* / (общ.) нанесение побоев; избивание; истязание; мучительство; издевательство / (юр.) умышленное причинение вреда здоровью; побои; истязания; насильственное причинение другому лицу телесным повреждениям или психического вреда / причинение физического или психического вреда, в ситуативном контексте ‘причинение физического вреда’ (когда по обстоятельствам дела на момент порождения речи еще не известно, какому именно преступлению это соответствует).

3.4. Устный режим воспроизведения

Устно-устный режим работы переводчика предусматривает «ментальное» **воспроизведение перевода в акустической форме**. Нередко для осуществления перевода со шведского языка на русский без заметных отставаний неизбежным является применение «различных способов речевой компрессии, сокращающих текст перевода на 25-30% по сравнению с письменным переводом того же оригинала» (Комиссаров, 1990: 107). Такая необходимость может быть обусловлена быстрым темпом речи оратора и высокой информативностью текста оригинала в комбинации с заметной разницей между лексико-семантическими соответствиями переводимых понятий на русском и шведском языках. Например, очевидной **разницей в длине используе-**

мых обозначений на шведском языке и их соответствиями на русском языке:

а) *rattfylleri* / управление транспортным средством водителем, находящемся в состоянии опьянения;

б) *häleri* / приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;

в) *övergrepp i rättssak* / угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования;

г) *återtagning* / возврат товара продавцу в случае нарушения покупателем сроков погашения кредита;

д) *sexuellt tvång* / понуждение к вступлению в половую связь с применением насилия или угрозой его применения.

Другими примерами служат **невозможность использовать общепринятое сокращение шведского языка** при переводе на русский без его предварительной расшифровки (хотя бы при первом употреблении понятия на шведском языке). Это можно проследить на следующих примерах:

а) *SKR* – Sveriges Kommuner och Regioner / Ассоциация органов муниципального и областного самоуправления Швеции;

б) *NFC* – Nationellt forensiskt centrum / Государственный экспертно-криминалистический центр;

в) *LVU* – Lag med särskilda bestämmelser om vård av unga / закон «О принудительной опеке над подростками» (закон о содержании и лечении несовершеннолетних правонарушителей в сфере служб социального обеспечения).

Далее также наблюдается **необходимость использовать эксплицитные средства выражения** для отсутствующей в русском языке грамматической категории детерминированности, например *lagen* – ‘этот закон’, *bilen* – ‘эта машина’, что

обусловлено типологическими различиями между языками.

Основные **приемы сжатия речевого произведения** напрямую зависят от типа дискурса. В судебном переводе сжатие предполагает не сокращение информативности текста, пропуски повторений или незаконченных фраз и предложений, а следующие переводческие решения:

а) в первую очередь приемы сокращения лексических соответствий на русском языке в пользу использования общеизвестных аббревиатур, например *МРОТ, СИЗО, УПК, ЕС и т.д.*,

б) выбор менее формального (а тем самым более короткого) лексического эквивалента, например разговорного соответствия *visstidsanställning* – *временная работа* вместо *работа по срочному трудовому договору*,

в) субстантивации атрибутивных словосочетаний *organer sozsaциты* вместо *органы социальной защиты населения, госслужбы* вместо *государственные службы, еврозаконодательство* вместо *законодательство стран-членов Евросоюза* и т.д.,

г) заимствование и использование шведских аббревиатур при первичной расшифровке и переводе безэквивалентной лексики, например:

– перевод аббревиатуры *sf* как *курсы шведского языка для иностранцев* – т.н. ‘эс-эф-и’;

– перевод фразы *enligt LVU* как *в соответствии с законом «О принудительном направлении несовершеннолетних под надзор органов социальной защиты»*, – т.н. ‘законом Эл-Вэ-У’.

При устном переводе переводчику необходимо учитывать **темп речи и следить за собственной артикуляцией**. Представление продукта перевода в устной форме требует от переводчика обладания хорошей дикцией и владения правильным произношением в соответствии с нормами родного и иностранного языка. Речь переводчика характеризуется особым темпом, который

обусловлен ее ориентированием на оригинал и **формированием в процессе перевода**. Синхронному переводу свойственна меньшая ритмичность речи в связи с замедлением (и более артикулированным произношением) в момент т. н. *хезитационных пауз* (Комиссаров, 1990: 105) и ускорением темпа речи при переводе и «проговаривании» хорошо понятных переводчику отрезков сообщения и отточенной до автоматизма терминологии. Как правильно отмечает В.Н.Комиссаров, «процесс говорения протекает параллельно процессу аудирования», а, следовательно, «часть перевода проговаривается в паузы в речи Источника» (Комиссаров, 1990: 103).

Отставание речи переводчика от речи Источника с минимальным разрывом во времени или даже «забегание вперед» при синхронном переводе осуществляется посредством «так называемого **вероятностного прогнозирования**, т.е. способности до определенной степени предугадывать содержание еще не произнесенных отрезков речи на ИЯ» (Бархударов, 1975: 47). В случае, когда прогнозы переводчика не оправдываются, коррекция перевода происходит за счет ускорения темпа речи. Существует ряд средств, к которым переводчик зачастую прибегает в целях сокращения интервала между началом порождения оригинала и началом перевода и выравниванию темпа перевода. Например, соблюдение правильного актуального членения предложения при осуществлении устного перевода со шведского языка на русский требует восприятия всего предложения целиком и выделения фокуса высказывания. Следующий фрагмент устного перевода иллюстрирует механизм вычленения и передачи темы высказывания прокурора после того, как был заслушан подсудимый, и последующей корректировки переводчиком ремы высказывания на ПЯ:

а) Прокурор: *det finns ju en dom på dig*

(досл.) ‘существует же судебное решение (или приговор) на вас’

б) Переводчик: *to есть / есть решение*

в) Прокурор: *där du då // ah / fick det här utvisningsbeslutet*

(досл.) – там вы // ааа / получили решение о выдворении

г) Переводчик: *и тогда вот и вынесено было это решение о выдворении вас из страны*

Прогнозируя возможные сценарии развертывания высказывания (*a) det finns ju en dom på dig*, переводчик выделяет общий для них элемент – наличие ‘решения суда’. На этой стадии произнесения оригинального текста еще не известно, что выступит в качестве ядра высказывания – тот факт, что решение было вынесено именно судом, а не другим органом по разрешению споров или является ли это решением суда по гражданскому или уголовному производству, т.к. термин *dom* в устной речи в суде может употребляться как для обозначения ‘приговора’, так и ‘решения по гражданскому спору’. Возможно, в фокусе высказывания находится тот материальный вопрос, по которому было вынесено упомянутое решение или то обстоятельство, что наличие ранее вынесенного судебного решения косвенно указывает на осведомленность подсудимого о том, что в отношении него действовал запрет на повторный въезд в Швецию.

Начало перевода высказывания на этапе, когда тема-рематические отношения между его компонентами еще не могут быть определены однозначно, может привести к неточностям в переводе. Не допустить ошибки и, вместе с тем, избежать паузы в речи переводчика (*б*) помогает частичное опущение семантической нагрузки лексемы *dom*, а именно компонента ‘судебное’ (*судебное решение, постановление, приговор суда*) в

виду неуверенности переводчика в ее центральной роли в высказывании. В ходе перевода следующего отрезка речи прокурора (в), уточняющего содержание предыдущей реплики (а), переводчик выстраивает тема-рематическое соответствие на ПЯ (г), повторяя опорный элемент высказывания, *вынесено было это решение*, и добавляя ядерный элемент высказывания – *о выдворении вас из страны*.

Заключение

В заключение отметим, что основной целью устной деятельности судебного переводчика является обеспечение эквивалентного, точного и адекватного перевода. Данное исследование призвано выявить внутренние (лингвосемиотические) и внешние факторы, оказывающие влияние на процесс устного судебного перевода, и обозначить причины и сферы возникновения переводческих трудностей.

В результате анализа научной литературы, актуальной лексики и аутентичных аудиозаписей устного судебного перевода установлен ряд аспектов, отличающих устный перевод от других переводческих практик, а именно

а) вид перевода – преимущественно устно-устный;

б) направление перевода – двусторонний перевод;

в) тип дискурса – судебный;

г) форма перевода – чередование синхронного перевода, устного последовательного перевода и перевода с листа;

д) важность психолингвистических аспектов (нагрузка на память, период концентрации, быстрое принятие решений, самокоррекция в процессе перевода и др.);

е) специфика техники работы в суде и роли переводчика;

ж) владение переводчиком юридически значимыми специально-предметными знаниями и специальной юридической терминологией.

Основополагающим фактором устного судебного перевода следует считать **устность общения** участников судебного процесса и ее последствия, которые объективно влияют на возможность переводчика сохранить инвариант в необходимой мере. Изучение особенностей устного судебного перевода следует проводить с лингвосемиотических позиций при учете как языковых и речевых знаков, так и комплекса экстралингвистических факторов, влияющих на процесс перевода. Таким образом, в результате исследования были выявлены следующие характеристики устно-устного судебного перевода, как:

1) акустический канал восприятия (перцептивность знака, перцептика как составляющее семиотики языкового знака, спонтанный характер речи – темп и паузация, экстралингвистические трудности восприятия, например плохое качество звука, диалект, нарушения речи и т.д.)

2) незамедлительность порождения (полуавтоматические навыки, знание устойчивых соответствий и штампов)

3) последовательное восприятие сообщения (отсутствие доступа к полному тексту на ИЯ, однократность восприятия, особенности перевода общеупотребительных слов с широким спектром значений, особенности реализации узких значений многозначных юридических терминов, абзацно-фразовый перевод, индивидуальный прогноз развертывания семического акта)

4) устный режим воспроизведения (особая ритмичность, темп речи и артикуляция, хезитационные паузы, несоответствие длины лексических единиц ИЯ и ПЯ, добавление эксплицитных средств, особенности перевода аббревиатур)

Перспектива данной работы состоит в том, что продолжение исследований в сопоставительном ключе поможет наметить ключевые области знаний и

умений, необходимых для успешного выполнения устного перевода в суде, а также основополагающие сферы компетентностного развития устного судебного переводчика за счет выявления специфики звучащего судебного дискурса.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студ. филолог. и лингвистич. факультетов. СПб.: Изд-во Академия, 2006. 352с.

Бабанина Т.М. Как перейти на профессиональную основу в занятии устным социальным переводом // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник статей международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. В 2-х ч. Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ. 2014. С.85-90.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240с.

Берглунд М. Новый большой шведско-русский словарь (под ред. У.Биргегорд) / [New Big Swedish-Russian Dictionary]. М.: Живой язык, 2007. 928с.

Вартазарян С.Б. От знака к образу. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. 199с.

Василенко Л.Ю. Перевод в системе государственных служб и учреждений как фактор языковой политики государства // Вестник РУДН, серия Юридические науки. Вып. 2. 2013. С. 315-318.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224с.

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика 1 / Тарту: Тартус. гос. ун-т. 1978. С.63-112.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253с.

Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика: Очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. 192с.

Крупнов В.Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. М.: Международные отношения, 1979. 232с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира; РАН; Ин-т языкознания. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560с.

Поликарпов А.М. Синтаксическая полифункциональность: монография. Архангельск: ИПЦ, САФУ, 2013. 212с.

Поликарпов А.М. Роль смыслообразующих и прагматических операторов в топологии устно-порождаемой речи // Проблемы лингвистических исследований теории перевода. Межвузовский сборник статей. Архангельск: ИПЦ, САФУ. 2012. С. 81-94.

Поликарпов А.М. Семиотика устно-порождаемой речи и перевод. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах // Материалы VI Международной научной конференции. Челябинск, 2012 г. Чел. гос. ун-т. 2013. С. 281-285.

Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / РАН ИНИОН. М.: 2011. 250с.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: [учебник для студ. лингвист. вузов и факультетов ин. языков]. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448с.

Сухарева Е.Е., Черникова Н.С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: ВГУ. 2014. № 4. С.115-120.

Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвесемиотики. Калинин: Калининский гос. унив., 1978. 84 с.

Томилова Д.Н. Лингвесемиотические свойства сложноподчиненных предложений с присоединительными придаточными в немецкоязычном медиадискурсе: автореф. дис. канд. фил. наук. Северный (Арктический) фед. ун-т им. М.В.Ломоносова. Архангельск, 2017. 227с.

Baker M. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London; New York: Routledge, 2009. 654p.

Del-Pozo-Triviño M. Teaching police to work effectively with interpreters: Design and delivery of a training course // Benjamins Translation Library. 2020. Vol.151. P. 189-208. DOI: 10.1075/btl.151.08del

Driesen C.J., Drummond G. The “Tandem” method training interpreters to work at national courts // *Forum*. 2011. Vol. 4, No.2. Pp.139 – 156.

Förordning om auktorisation av tolkar och översättare / t.o.m. SFS 2016:180 [Постановление правительства Швеции о порядке аттестации устных и письменных переводчиков]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkar_sfs-1985-613 / (date of access 18.01.2018)

Förvaltningsprocesslag [Кодекс административного судопроизводства]. URL: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningsprocesslag-1971291_sfs-1971-291/ (date of access 18.01.2018)

Giambruno C. Assessing legal interpreter quality through testing and certification: the qualitas project . The University of Alacante, 2014. 265p.

Hale S.B. Discourse of Court Interpreting: Discourse Practices of the Law, the Witness, and the Interpreter. Philadelphia, USA: John Benjamins Publ. Company, 2004. 265p.

Kainz C., Prunc E., Schögler R. Modelling the Field of Community Interpreting: Questions of Methodology in research and training. Wien; Berlin: Lit Verlag, 2011. 342p.

Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2016:4 [Положение Камер-Коллегии «О статусе устного переводчика»]. URL: <https://www.kammarkollegiet.se/sites/default/files/Kammarkollegiets%20tolkf%C3%B6reskrifter%202017.pdf> / (date of access 18.01.2018)

Lindkvist A. Ordlista för tolkar: Svenska-Ryska / [Словарь устного перевода: Шведско-русский], Kristianstad: Fritzes, 2001. 243p.

LIT Search: Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators. KU Leuven, EULITA, 2016. 115p.

Mayor M.J.B., Triviño M.P. Legal interpreting in Spain at a turning point [La interpretación judicial en España en un momento de cambio] // *Monografías de Traducción e Interpretación*. 2015. Vol 7. P. 9-40; DOI: 10.6035/MonTI.2015.7.1

Ozolins U. Factors that determine the provision of Public Service interpreting: comparative perspectives on government

motivation and language service implementation // *The Journal of Specialised Translation*. 2010. Vol 14. Pp.194 – 215.

Reflection Forum on Multilingualism and Interpreter Training: Final Report. European Commission, 2009. 23p.

Riktlinjer för tolkanvändning i domstol [Руководство по работе через переводчика в зале суда]. URL: <http://rattstolkarna.se/files/nov-2017domstolsverketriktlinjerfirtolkandningidomstol.pdf> / (date of access 18.01.2018)

Rivelis E. Svensk-rysk uppslagsordbok: Juridik. Förvaltning. Ekonomi / [Шведско-русский словарь-справочник: Право. Администрация. Экономика] Stockholm: Interword, 1998. 46 p.

Roberts R.P. Community interpreting: A profession in search of its identity // *Teaching Translation and Interpreting 4: Building bridges / Benjamins Translation Library*. 2002. Vol. 42. Pp. 157–175

Rättegångsbalk (1942: 740) [Процессуальный кодекс гражданского и уголовного судопроизводства]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattgangsbalk-1942740_sfs-1942-740/ (date of access 18.01.2018)

Shackman J. The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters. National Extension College Trust Ltd, 1984. 162p.

Tolkkunskap. Fritzes, 3:e uppl., 2009. 92p.
Wadensjö C. Interpreting as Interaction. Longman, 1998. 336p.

Valero Garcés C., Martin A. Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas / *Benjamins Translation Library*. Vol.76. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. Vol. 76. 230p.

References

Alekseeva, I.S. (2006), *Vvedeniye v perevodovedeniye* [Introduction to Translation Studies], Academia Publishing house St. Petersburg, Russia. (*In Russian*)

Babanina, T.M. (2014), The professionalization of community interpreting, *Language in professional communication, part 1*, Yekaterinburg, Russia. 85-90.

Barkhudarov, L.S. (1975), *Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general

and particular theory of translation), Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Berglund, M. (2007), *A New Big Swedish-Russian Dictionary*, Zhivoy yazik Publishing House, Moscow, Russia.

Vartazaryan, S.B. (1973), *Ot znaka k obrazu* [From the sign to the image], AN Armenian SSR, Yerevan, Armenia. (In Russian)

Vasilenko, L.Y. (2013), Public service interpreting as a factor of state's language policy, *RUDN Journal of Law*, 2, 315-319.

Vinogradov, V.S. (2001), *Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical questions)], Russian Academy of Education, Moscow, Russia. (In Russian)

Gasparov, B.M. (1978), Spoken speech as an object of semiotics, *Linguistic semantics and semiotics 1*, Tartu, 63-112. (In Russian)

Komissarov, V.N. (1990), *Teoriya perevoda. Lingvisticheskiye aspekty*. [Translation theory. Linguistic aspects], Vysshaya shkola Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Krupnov, V.N. (1979), *Kurs perevoda. Anglijskij jazyk: obshhestvenno-politicheskaja leksika* [Translation course. English: socio-political vocabulary], Mezhdunarodniye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Krupnov, V.N. (1976), *V tvorcheskoy laboratorii perevodchika* [In the creative laboratory of a translator], Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Kubryakova, E.S. (2004), *Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to gain knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world], Moscow, Russia. (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2013), *Sintaksicheskaya polifunktionalnost: monografiya* [Syntactics polifunctionality], Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia: (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2012), The role of meaning-forming and pragmatic operators in the topology of orally generated speech, *Problemy lingvisticheskikh issledovanij teorii perevoda. Mezhvuzovskij sbornik statej* [Problems of linguistic research in translation theory.

Interuniversity collection of articles], Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia, 81-94. (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2012), Semiotics of orally generated speech and translation. Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects, *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Materials of the VI International Scientific Conference], Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 281-285 (In Russian)

Rarenko, M.B. (2011), The main concepts of translation studies between Russian and English languages: Terminology dictionary. Moscow: INION RAN. 250. (In Russian)

Sdobnikov, V.V. and Petrova O.V. (2007), *Teoriya perevoda* [Translation theory], AST Vostok-Zapad, Moscow, Russia. (In Russian)

Sukhareva, E.E., Chernikova N.S. (2014), Problems of translation of medical discourse in the context of the community interpreting, *Linguistics and intercultural communication*, 4, Voronezh, Russia, 115-120. (In Russian)

Syrovatkin, S.N. (1978), *Teoriya perevoda v aspekte funktsional'noj lingvosemiotiki* [Translation theory in the aspect of functional linguosemiotics], Kalinin State University, Kaliningrad, Russia. (In Russian)

Tomilova, D.N. (2017), Linguasemiotic properties of the complex sentences with content clauses in German media discourse, Abstract of Ph.D. dissertation, Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia. (In Russian)

Baker, M. (2009), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, Routledge, London, New York.

Del-Pozo-Triviño, M. (2020), Teaching police to work effectively with interpreters: Design and delivery of a training course, *Benjamins Translation Library*, 151, 189-208. DOI: 10.1075/btl.151.08del

Driesen, C.J., Drummond G. (2011), The "Tandem" method training interpreters to work at national courts, *Forum*, 4 (2), 139 -156.

Förordning [On the authorisation of interpreters and translators up to and including SFS], (1985), available at: <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkare-sfs-1985-613/> (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

The Swedish Code of Administrative procedure (1971), available at:

http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningsprocesslag-1971291_sfs-1971-291/ (Accessed 18.01.2018)

Giambruno, C. (2014), *Assessing legal interpreter quality through testing and certification: the qualitas project*. The University of Alacante.

Hale, S.B. (2004), *Discourse of Court Interpreting: Discourse Practices of the Law, the Witness, and the Interpreter*, John Benjamins Publ. Company, Philadelphia, USA.

Kainz C., Prunc E., Schögler R. (2011), *Modelling the Field of Community Interpreting: Questions of Methodology in research and training*, Lit Verlag, Wien; Berlin.

Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS (2016), available at: <https://www.kammarkollegiet.se/sites/default/files/Kammarkollegiets%20tolkf%C3%B6reskrifter%202017.pdf> / (Accessed 18.01.2018)

Lindkvist, A. (2001), *Ordlista för tolkar: Svenska-Ryska* [Dictionary of interpreters: Swedish-Russian], Kristianstad, Fritzes. (In Swedish)

LIT Search: Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators (2016), KU Leuven. EULITA.

Mayor, M.J.B. and Triviño, M.P. (2015), Legal interpreting in Spain at a turning point, *Monografias de Traducción e Interpretación*, 7, 9-40.

Ozolins, U. (2010), Factors that determine the provision of Public Service interpreting: comparative perspectives on government motivation and language service implementation, *The Journal of Specialised Translation*, 14, 194–215.

Reflection Forum on Multilingualism and Interpreter Training: Final Report. (2009), European Commission.

Guidelines for interpretative use in court (2017), available at: <http://rattstolkarna.se/files/nov-2017domstolsverketriktlinjerfrtolkanvndningidomstol.pdf> / (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

Rivelis, E. (1998), *Svensk-rysk uppslagsordbok: Juridik* [Swedish-Russian dictionary: law], Förvaltning. Ekonomi, Interword, Stockholm. (In Swedish)

Roberts, R.P. (2002), Community interpreting: A profession in search of its identity, *Teaching Translation and Interpreting 4: Building*

bridges, *Benjamins Translation Library*, 42, 157–175.

Rättegångsbalk (1942), *The Swedish Code of Judicial Procedure*, available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svenskforfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740/ (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

Shackman, J. (1984), *The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters*, National Extension College Trust Ltd.

Tolkkunskap (2009), Fritzes, 3:e uppl. (In Swedish)

Wadensjö C. (1998), *Interpreting as Interaction*, Longman.

Valero, Garcés C., Martin, A. (2008), *Crossing Borders in Community Interpreting, Definitions and Dilemmas*. Benjamins Translation Library, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, 76.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Поликарпов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного Арктического Федерального Университета, директор Научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства».

Alexander M. Polikarpov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Applied Linguistics and Translation Studies, Director of the Centre for Integrative Translation Studies of the Subarctic Region, Northern Arctic Federal University.

Французова Алина Дмитриевна, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного Арктического Федерального Университета.

Alina D. Frantsuzova, Post-graduate Student, Department of Applied Linguistics and Translation Studies, Northern Arctic Federal University.